

Лев АННИНСКИЙ – известный советский и российский литературный критик и литературовед, родился в 1934 году в городе Ростов-на-Дону. В 1956 году закончил филологический факультет МГУ. Работал в журналах «Советский Союз», «Знамя», «Дружба народов», «Литературное обозрение», «Родина», «Время и мы» (1998 г., главный редактор), в «Литературной газете». В настоящее время сотрудничает с журналами «Родина» и «Дружба народов» (ведёт авторские колонки, член редколлегии), автор и ведущий циклов передач «Серебро и чернь», «Медные трубы», «Засадный полк», «Мальчики державы», «Охота на льва», передачи

«Я жил. Я звался Геркулес» на телеканале «Культура». Член Союза писателей Москвы, Союза российских писателей, ПЕН-клуба, член жюри литературной премии «Ясная Поляна», лауреат ряда литературных и телевизионных премий, в том числе Премии Правительства РФ в области культуры за двухтомник «Красный век» (2010) и «Международной Лермонтовской премии в области литературы» (2011). Живёт и работает в Москве. Автор десятков книг литературной критики и многочисленных статей в различных журналах.

СЛЕПЯЩАЯ ТЬМА СВЕТЛАНЫ АЛЕКСИЕВИЧ

Что это с нами было?

За десятилетия, прошедшие после опубликования её первой повести, она вошла в число самых острообсуждаемых авторов. Без читательских границ. В первой повести она не просто рассказала об участии женщин в кровопролитных событиях войны, но нашла формулу, которая воспринимается как своеобразная эмблема: «У войны не женское лицо». И потрясала она людей не только на усеянном могилами постсоветском пространстве, но в краях, далёких от наших пространств и могил. Например, переведённые во Франции «Цинковые мальчики» побудили французов острее пережить и осмыслить их алжирскую войну...

Говоря о сегодняшней мировой ситуации, Светлана Алексиевич допускает, что «где-нибудь в Руанде» происходит такое, и западный книжный рынок описывает такие ужасы современной реальности, что ужасы прошлого могут показаться чуть ли не детскими сказками. Однако 135 книг

Светланы, вышедшие в мире за эти 30 лет на двадцати языках, – свидетельство того, что люди так и не ушли от духовных потрясений XX века.

И ещё одно существенное обстоятельство обусловило её литературный успех: Светлана открыла новый тип психологической исповеди. Это не прежняя типологическая концентрация характера героя в жанре прямой речи – это речь сверх-прямая, исторгнутая в непредсказуемом разговоре, без посредников, – стоит в уголке магнитофон, а люди, забыв об этом громоздком фиксаторе (теперь его сменил малозаметный диктофон), – говорят то, что в эту секунду чувствуют и думают. Без посредников. Иногда сбиваясь, теряя нить, перебивая сами себя, но открывая при этом такие подробности и заглядывая в такие тайники души, какие прежде оставались в тени – иногда как несущественные, а чаще как невыносимые.

Светлана Алексиевич тут проявляет себя не только как классный журналист и уникальный собеседник, но как настоящий человекоед, интуитивно чувствующий, где человек начинает ощущать в себе такую правду, какой раньше не осознавал. Или не отваживался высказать. Надо же не просто уметь расспрашивать, надо понимать, чего ищешь, что хочешь понять.

Стараясь это понять, следом за первой повестью она прослеживает чёрную канву новейшей истории, давая слово свидетелям Чернобыля, Афганистана... У войны обнаруживается не только женское, но и детское лицо – военная реальность не щадит ни малолетства, ни старческой немощи. Появляются «Последние свидетели», «Цинковые мальчишки», «Чернобыльская молитва»... И наконец, замыкается пятой повестью – о том, что значит и почему случилось с нами всё то, что случилось: советская эпоха, сталинская диктатура. Это – финал цикла, завершение «адской работы».

Исповеди отцов и дедов, вынесших на своих плечах Великую Отечественную войну, а до того – всю выматывающую гонку между двумя мировыми войнами, а до того – войну Гражданскую, и на всех стадиях – безжалостный Гулаг. Рядом – исповеди наследников, не желающих ничего знать про давно прошедшие ужасы. Сами, мол, виноваты: зачем подчинялись? Выслушивая людей, подчинявшихся законам той кровавой эпохи, Светлана старается вырвать их из чёрной дыры памяти и сцепить светлым знанием с эпохой нынешней. И тут оказывается, что настоящее ещё и черней прошлого. Выскочили мы (выкарабкались!) к нынешнему празднику потребления, а тут «конкретные ребята», внуки и правнуки советских ветеранов, растаскивают эту огромную страну: делят, пилят, вывозят... Что-то было, что-то есть, надо итожить. Выслушать исповеди тех и этих. Проклятья людей, выросших в сталинскую эпоху, в адрес нынешних наследников, и встречные проклятья теперешних законодателей потребления в адрес людей тоталитарной эпохи.

Светлана понимает, что правда – и там, и тут перемешана с идеологическим одушевлением, там и тут замешана на мифах, захватана в употреблении, – то есть взята из «вторых рук». Second hand называется финальная повесть. Соглашусь ли я с этим названием? Нет. Это не правда из чужих рук, как

можно подумать, воспринимая записи. Это правда сквозь руки тех, кто проволоч её каждый через своё время. Есть время самопожертвования, из которого не уйдёшь. И есть время самозабвенного потребления, из которого тоже не уйдёшь. Некуда! И там, и тут стреляют! И там ад, и тут ад.

Жить стало лучше, но противнее. Можно сказать, что Светлана Алексиевич, выбираясь из ада советской эпохи, попадает в ад постперестроечной потребиловки. Приходится выбирать между тем адом и этим. Идти между тьмой и тьмой, по обманчиво-слепящему лучу всепонимания. «Никто не знает, как должно быть, что нам поможет, и все пользуются тем, что знали когда-то, что было прожито кем-то, прежним опытом. Пока, к сожалению, время second hand».

Так что же это за «прежний опыт» – семьдесят лет советской власти? Ответ: «Миллионы людей на огромной территории были захвачены мечтой построить Царство Небесное на земле. Рай. Город Солнца. Коммунизм. Общество, живущее по принципам равенства и братства. Государство, основанное на принципах справедливости: всеобщее бесплатное образование, бесплатная медицина, молодым – дорогу, старикам – почёт, от каждого – по способностям, каждому – по труду, а в светлом будущем, в обществе изобилия – каждому по потребностям. Эта утопическая идея увлекала и пожирала лучших, красивейших людей, которые бросились в новую жизнь с верой, что они осчастливят человечество, выстроят эту жизнь правильно...»

Всё правильно? Да только как раз из вторых рук. Из рук тех идеологов, которые преподали нам (и нашим отцам и дедам) социализм. Светлана Алексиевич больше доверяет исповедующимся мученикам эпохи, чем её последовательным учителям, и всё-таки допускает, что если социализм был на родной шестой части суши выстроен, то именно он – причина и источник всех бед и испытаний того времени. Именно утопия ввергла нас в невыносимый тоталитарный режим, в кровавую систему Гулага, в культ личности и все его последствия. Страшно было и любопытно... Всегда хочется заглянуть в яму. Почему? Так мы устроены.

Причина наших бед?

Я думаю, что социализм – не причина, а следствие. Объяснение задним числом. И объяснение это – не что иное, как вывернутая наизнанку идеологическая доктрина. Если тогдашний социализм вывернуть обратно, что мы получим? «Человеческое лицо»? Нет, мы получим переplec нынешней олигархии, крутых богатеев и их крутых телохранителей. Социализма нет, а ад есть. Давайте вспомним, что социализм – детище отнюдь не той эпохи, какую мы сейчас осмысливаем и проклинаяем. Он куда старше. Он, правда, когда-то не назывался «социализмом», но ощутимо присутствовал в умах за добрых два тысячелетия до нашего. У Платона – в учении об идеальном, правильном государстве. У Аристофана – в мечтах о времени, когда «всё станет общим». В «двоетомасии» у Томаса Мора и Таммазо Кампанеллы – в утопиях об обществе, где нет денег и все равны. Озаглавились эти утопии словом «социализм» лишь в середине девятнадцатого века, и уже от Сен-Симона,

Фурье и Оуэна перешли, подпёртые Марксом, в наш ленинизм-сталинизм.

Интересно, с точки зрения хронологии, что когда в царской России в Симбирске появился на свет будущий вождь пролетариата, которому суждено было перехватить у царизма рушащуюся империю, – в Германии «немецкий учитель» решил судьбу франко-прусского противостояния, и началось грозное усиление объединяющейся и усиливающейся Германии. Кстати, увенчивается процесс у немцев тем же словом: «социализм». Только разворачивается он в разные стороны: у них, в чистой Европе – к культуре высшей расы, у нас, в пёстрой Евразии – к интернациональности. И они, немцы, и мы, русские, вознамерились воспитать человека для жизни в новом обществе, как они и мы его понимали. Хотя понимали по-разному.

Меня растрогало следующее рассуждение Светланы Алексиевич: «Я долго жила в Европе – нигде писатели, театральные художники не замыкаются в своих высших сферах или гламурных играх. Идёт бесконечная дискуссия о том, что происходит в обществе, как происходит, что надо делать. Особенно в немецком обществе, которое в данной ситуации наиболее похоже на нас. Там чётко поняли: человеческой природы НУЖНО бояться, первоначальный грех силён: чудовище убито, но монстрики, которые одолевают человека, оказались ещё страшнее». Так эти «монстрики» – от социализма или от чего-то, что разворачивает социализм то в одну, то в другую сторону? Именно мы и немцы, как правильно чувствует Светлана, пытались одолеть тёмную природу человека и верили, что человека можно улучшить (мы – воспитывая всё достойное, они – изведя всё недостойное). И поняли – и мы, и они – что человека улучшить нельзя, что природы человеческой нужно опасаться, что в основе этой природы лежит нечто таинственное, звериное, неистребимое... Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин выстраивают на этой чёрной подпочве один вариант «социализма», Гитлер, Геббельс и Розенберг – другой. Вот эту-то чёрную подпочву и чует Светлана Алексиевич, получая исповеди «из вторых рук».

Эта подпочва старше, глубже, твёрже теорий и утопий науки. Человечество не знает, как и почему выросло оно на этом клочке земли, носящемся в бесконечном пространстве. Человечество осваивает этот клочок: его леса и пустыни, его побережья и ущелья. Человечество притирается к условиям жизни, дробясь и делясь на племена и державы, перекидываясь из одной точки выживания в другую, ища себе место и всё время ожидая беды, – если не от природной катастрофы, то от социальной, то есть от столкновения соперничающих масс.

Отсюда – непрерывная, подспудная, иногда не осознаваемая, но никогда не исчезающая тревога в подсознании человечества – всех составляющих его народов – при всех вариантах социализма. Включая наш, марксистско-ленинский. С помощью которого надеялись народы евразийского материка выдержать подступающую пробу сил.

Надо было оказаться во всеоружии в ситуации, когда сначала смутно, а потом всё явственнее нависала беда. И виновниками её казались... герман-

ские агрессоры⁵²... а ещё – английские и американские империалисты... а ещё – родимые господа-помещики и венценосный царь-батюшка... а потом – белые, которые мешают красным превратить страну в военный лагерь. Что могли бы предложить нынешние разоблачители диктатуры пролетариата тогдашней стране, распластанной в ходе почти проигранной «империалистической» войны, разодранной на социальные классы, истоптанной вооружёнными солдатами, не знающими, кого бить, – то ли немцев, то ли своих начальников? А может, лучше было отдать страну немцам, которые, конечно, навели бы порядок (ещё не фашистский, но прусский), – да поди ещё выкрутись в этом случае из-под англо-американской длани... Или надо было спасти страну, которая готова угробить царя, войну и власть уже проигравшего, а мир страна предчувствует единственно похабный (так и было). Как можно было спасти страну, попавшую в такой смертельный переплёт?

У знаменитого антисоветчика Ричарда Пайпса есть интересное сопоставление тогдашних сил, претендовавших возглавить страну. То есть тех, за кем согласился бы пойти тогдашний народ, изверившийся в старой власти. Пойти за кадетами – с их «четырёх-хвосткой и, так сказать, правами человека? Да прежде надо было этого человека обезвредить! Вооружённо-го! Бунтующего! Две силы, – пишет Пайпс, – могли бы повести за собой тогдашние массы, выдвинув соответствующих вождей. Или черносотенцы с их православной верой и погромами. Или большевики с их социализмом. Большевики оказались круче... Есть такая партия! – вскричал самый крутой большевик. Всё пошло так, как вспоминают собеседники Светланы Алексиевич. Социализм!

«Смело мы в бой пойдём за власть Советов и как один умрем в борьбе за это». За что – за «это»? За «счастливое будущее»? Это – миф. Мираж. На его месте реально – война. Гибель. Или победа. А миф – в этой смертельной ситуации – анестезия. Обезболивание.

Спасение от гибели – вот «за это» предстояло умирать. Смертельное испытание подступало. Угроза гибели. Она и реализовалась, выйдя из социалистического тумана, в 1941 году. Национал-социализм против социализма в одной, отдельно взятой стране.

Так что Светлана Алексиевич вполне вправе брать в расчёт и пробитый вспышками туман. И вытаскивать его из той... а лучше сказать, из «этой» тьмы. Из тьмы «социализма».

– Я обещаю – рассказов будет два. Хочу остаться хладнокровным историком, а не историком с зажжённым факелом.

Суп из топора

В сущности-то речь всё о том же. О том, откуда берётся тоталитарная диктатура. Но раз в десять чаще, чем «социализм» возникает у собеседников Светланы Алексиевич другое слово...

«Всё оттуда, где Гулаг и страшная война... Коллективизация, раскулачивание,

⁵² Кайзеровская Германия

переселение народов... В общем, или воевали, или готовились к войне...» «От Сталина и до Брежнева во главе страны стояли руководители, которые воевали...». «Моя мама из поколения довоенной интеллигенции. Из тех людей, у которых блестили слёзы на глазах, когда играли «Интернационал». Она пережила войну и всегда помнила, что советский солдат повесил красный флаг над Рейхстагом: «Наша страна такую войну выиграла!». Выиграла!

Поколение, уже не заставшее войны, оно какое: потерянное или счастливое? Из коммунистического детства в капиталистическую жизнь. Нет больше социализма! Нет диктатуры! А что есть?

Заводы прекращают делать ракеты и штампуют стиральные машины и пылесосы. Стирай штаны! Покупай «джинсы, дублёнки... женское бельё и хорошую посуду...»

Почему-то джинсы оказываются главным символом эпохи безудержного потребления. И где ему предел? Сколько обедов в день нужно съесть, чтобы наесться? Или должна насытиться генетическая память? Если ежедневный обед – многолетняя реальная традиция, так чего из-за этого безумствовать? А вот если голодуха, голодовка и голодомор – вечная музыка, идущая от дедов и прадедов, – так будешь безумствовать! Запахи не дадут покоя! «Неподражаемый тряпочно-хлорный запах советской столовой».

Другой ассортимент! А аппетит всё тот же. Черепашков суп ел?... Закажи и ешь. Закажи слонятину и ешь. Свобода пахнет хорошим соусом. Ну, наелись наконец? Чего ещё не хватает? Перечисляю символы счастья из монологов, записанных Светланой. Тачка, то бишь машина. Хата, то бишь квартира. Часы «Ролекс» (чтобы часов не наблюдать?). Дальше? Каждому по «Мерсу» и по путёвке в Майями. Слетать поохотиться в Африку.

Всё? Где предел мечтаний? Я понимаю – прожиточный минимум, элементарность бытовухи, условия существования, которые на протяжении поколений оставались недостижимой мечтой. Ну, вот они есть. Апельсинов не было? Вот они. «Этих джинсов проклятых» – бери, не хочу. Только плати. Теперь наши магазины похожи на музеи. На театры... (хочется спросить: а театры иной раз не похожи на модные магазины?).

Пароль общества, перестроившегося из коммунизма в капитализм: «Свобода – это деньги». И, соответственно, деньги – это свобода.

Где взять деньги? Умаешься, а сыт всё равно не будешь. Где добыть столько денег, если нет ни меры, ни покоя? А вот и ответ: символ XX века – ещё один, такой же непрременный, как джинсы? Автомат Калашникова. Молодой собеседник Светланы вспоминает: «В 16 лет меня, как положено, вызвали в военкомат. – В какие войска желаешь? Будь готов».

И в повседневности, и на дне сознания – войска. Война. Та самая война, которая продолжает сторожить людей, независимо от того, объявлена она или отложена до очередного её объявления. Ожидание насилия и готовность к насилию – какой-то неистребимый рок над нами.

Не только над нами. Над всеми. Неистребимая черта всечеловеческого бытия. Из эпохи «челноков» – исповедь человека, который возил и продавал детские игрушки: «Один раз забрали у меня оптом целую партию и расплатились фурой с газированными напитками, которые я обменял на грузовик семечек, на маслобойне в обмен на семечки получил масло, которое частично продал, а частично обменял на тефлоновые сковородки и утюги...». Сковородки нужны? Нужны. Вдруг слонятину подфартит в Африке срубить – на чём жарить? «Челнок» продолжает исповедоваться: «... Торговля жареными сосисками – бешеные бабки наматывались. Топоры были наготове. И ломы. Узнали бы, что мы везём, – убили бы».

Ну, вот, наконец-то. Где Русь – там топор. Топор – хозяина переживёт. Звать Русь к топору не надо – сама схватит.

Крутые парни из охраны олигархов, подстерегающие друг друга в подъездах, вооружены не топорами и даже не «калашами», а куда более современными пушками. И всё-таки это всё те же топоры. Из которых и теперь варится наш суп. Черепаховый. Слоновий. Демократический. Социалистический. Неважно, какой. В крови – война. Она в основе всего.

Так я возвращаюсь к той войне, страшной. К той проклинаемой эпохе. Перекликаются участники событий, в свете разума рядом невысказанные. Палачи и жертвы.

«Как это сочеталось? Наше счастье и то, что за кем-то приходили ночью, кого-то забирали? Кто-то исчезал, кто-то рыдал за дверью. Я этого почему-то не помню. Не помню! А помню, как цвела весной сирень, и массовые гуляния, деревянные тротуары, нагретые солнцем. Запах солнца. Ослепительные парады физкультурников и сплетённые из живых человеческих тел и цветов имена на Красной площади: Ленин – Сталин...»

Те, кого забирали, и те, кто забирал, – непримиримые враги? Как их различить в таком блеске сирени и ослеплении солнца? Светлана прикована к этому вопросу. И вот ответ: «Не кто-нибудь сидел, а народ. И сажал, и охранял – тоже народ, не пришлый, не призванный откуда-то, а этот же. Свой. Родной... Палачи и жертвы – это одни и те же люди». Конечно, до того момента, пока эти роли не реализуются. А реализуются они – с оборотом лиц. То есть палачи становятся жертвами, жертвы – палачами. Кажется – хаос! Тысячи дел! Но в этом хаосе выбор-то небольшой: или ты идёшь работать в НКВД, или тебя забирает тот же НКВД, но под арест, в зону, а то и к стенке. Два пути для тех же людей.

«Особистов боялись больше, чем немцев. Генералы их боялись». И так, и этак – в мясорубку. В семь слоёв. Почему поставленный к стенке по воле Сталина член партии кричал: «Да здравствует Сталин»? Лучше всех на этот вопрос ответил сам Сталин:

«– Не я решаю, а партия. (Сыну Василию): – Ты думаешь, что это я – Сталин. Нет! Сталин – это он... – И показывал на свой портрет на стене».

На мой взгляд, это самое точное, что сказано о Сталине. Портрет – заглавный элемент воюющей системы. Пока система воюет, портрет неприкасаем.

Конкретного человека можно выволочь из этой рамы только с окончанием войны. И выволокли. Заправили в рамы другие лица.

Ещё один пункт – доносы. Потрясающе у Светланы Алексиевич – брезгливо-трезвое понимание того, почему полстраны писало доносы и полстраны читало. Конечно, индивидуальная подлость в этом жанре не знала границ. Но не знало границ и интуитивное понимание того, что ожидать этой подлости от людей надо постоянно. «Брат писал на брата, сосед на соседа. Поругались из-за огорода, из-за комнаты в коммуналке...». «У бывшей лагерницы спросили: «Вы хотите посмотреть своё дело?» – «Хочу». Взяла она свою папку... открыла... Сверху... знакомый почерк... Соседка... «мама Аня»... написала донос...»

«Стал папа снова работать на своём заводе, на той же должности, и сидел он в том же кабинете, за тем самым столом... А напротив него сидел тот, кто на него донёс. Все знали... и дядя Ваня знал, что тот донёс... Как и раньше, они ходили на собрания и демонстрации...» Вы что-нибудь понимаете? Что за чума? Да дело в том, что и дядя Юра, и тётя Оля уверены, что если на них донос ещё не написан, то непременно будет написан. Потому что надо всеми – топор войны.

Ты во тьме хлебаешь свою пайку, а топор висит.

– Тьма лукава...

Русский человек на все времена

Итак, новое поколение. Никакой диктатуры не заставшее. «Первое испуганное поколение – небитое, нестреляное». Светлана Алексиевич извлекла его уже из новейшего ада. – «Постояла в растерянности и... пошла на огни». А из огня слышится: «Непоротых поколений нам никогда не дожждаться; русский человек не понимает свободу, ему нужен казак и плеть».

Казак и плеть. Эффектная пара, прямо для хрестоматии. А вот ещё одна: дубина и икона. Это то, что русский человек делает из себя самого. Ещё пара, уже описанная нами выше: война и тюрьма – два главных русских слова. Типичная судьбина: «своровал, погулял, сел... вышел и опять сел».

Сел – если не за решётку, то на печь. И, сидя на печи, ждёт, что всё само получится. «Чтобы печь сама блины пекла, и золотая рыбка все желания исполняла. Хочу то и хочу это. Хочу Царевну Прекрасную!» У Светланы эти откровения взяты не из вековечного фольклора, а из интеллигентских кухонных разговоров, записанных в славные 1900-е годы. И теперь так: моделируют вроде абсурд, а жить в этом абсурде готовятся, как в непреложной реальности. Веками же! Чуть не тысячелетиями... От Чингисхана... Стоп. Это хорошая точка отсчёта. Это «Чингисхан нам гены испортил... и крепостное право. Привыкли, что бить всех надо, без битья ничего не получится».

Так Чингисхан откуда взялся на нашу голову? До него тут что-нибудь было? Было. Чистое поле – без границ. Без естественных географических

пределов. Что славянину-русу, что варягу-финну, что монголу-тюрку. Сшиваться надо, разбегаться-сбегаться. А Чингисхан и мечтал эту бескрайность очертить. Связать путями и законами. Не получилось. Не отсюда ли наша вечная мечта – о печке? Или хоть о стойле стабильном – а иначе каждую секунду подымайся на дыбы и скачи? Или о диване, который начинает играть роль той самой печки. «Обломов лежит на диване, а герои Чехова пьют чай и жалуются на жизнь». Нет, всё-таки классика нами хорошо усвоена. Школьные программы успели влезть в души. И Николай Островский? Да, и он! Красный святой. «Красные святые кровушки сколько пустили. Россия вычерпала свой лимит на кровь, на войны и революции... Для новой крови нет ни сил, ни какого-то сумасшествия». «Сумасшествие» особенно хорошо сочетается с тем, как закалялась сталь. Любовь к светлому будущему подвигает человека в ненависть. Ненависть обжигает... «Русскому человеку нужна такая идея, от которой мороз по коже...» Студёно. Мороз по коже. Огонь безумия нужен при таком ознобе. Вот что извлекает Светлана из этой темени: «...Русская жизнь должна быть злая, ничтожная, тогда душа поднимается, она осознаёт, что не принадлежит этому миру... Чем грязнее и кровавее, тем больше для неё простора...

...Модернизация у нас возможна только путём шарашек и расстрелов (опять пара – Л.А.)...

...Коммунисты... Что они могут? Ввести опять талоны и отремонтировать бараки в Магадане (Ещё пара Л.А.)...

...На Западе старый капитализм, а у нас свежайший, с молодыми клыками... А власть – чистейшая византийщина...»

Ну, вот: к мыслям о Системе добавилась византийщина. Она особенно хороша, когда вырастает в поле, орошённой греками. Но дело-то не только в том, чем орошено и чем засеяно. Дело в том, какова почва.

«За пять лет в России может поменяться всё, а за двести – ничего». Тогда – вопрос: «Какой смысл менять правительство, если мы сами не меняемся?» Как не меняемся? А очередной бунт, бессмысленный и беспощадный? А очередное смирение бунта? Это всё помимо нас происходит? И что в остатке? В остатке – русский мужик, вечно остающийся в дураках. Ему что, охота вечно оставаться в дураках? Нет, конечно. Он дурак, если мерить всё рациональной линейкой. Но если в этом хаотически-непредсказуемом мире ты всегда рискуешь остаться ни с чем, так можно ведь и исходить из этой позиции, и смотреть, как и что меняется вокруг. Где там реальность, где охмурёж, где византийское высокое притворство, а где хитроумие низового базара. А если везде тебя непременно обманут, так только из уверенности, что и ты непременно обманешь. «Говоришь правду – тебе не верят, а когда врешь, – вот это да!» Надо знать, как жить в вечно воюющей Руси.

Ещё несколько откровений, услышанных и по достоинству оценённых Светланой: «Русский человек вроде бы и не хочет быть богатым, даже боится. Чего же он хочет? А он всегда хочет одного: чтобы кто-то другой не стал

богатым. Богаче, чем он». Но сам-то он чего-то всё-таки хочет? Да ничего осязаемого. Потому что ощутить что-то на Руси можно только в масштабах всей Руси. А в кармане у тебя что? В кармане – фига. Если не считать топора, припрятанного на чёрный день.

А если рубашка, то непременно последняя. Последнюю рубашку наш человек с готовностью отдаст. Откуда такая щедрость? От уверенности, что украдёт он намного больше. И тоже отдаст. В качестве последнего.

«Честных нет, но все святые». Сказано век назад, на века. Но святые всё-таки есть?! Ещё бы. Ничего за душой? Неправда! За душой – то главное, что сохраняется в этом опасном хаосе. «За душой у нас только душа». Поэтому мы тоже – богоизбранный народ. Хотя по-своему. «Красота вокруг – глаз не отвести, а слёзы катятся... Русская тоска». Тоска, лёгшая в основу русской культуры.

И ещё одно откровение, меня поразившее в книге Светланы. Русский человек не добр. Он сентиментален. Добрый человек должен всех охватить, всех осчастливить, всё предусмотреть. А если в этой бесконечной бессмыслице предусмотреть ничего невозможно, то, что остаётся? Жалость. Выслушивает Светлана своих нынешних собеседников и говорит: Жалко всех – и «белых», и «красных».

Ожог и озноб

Пора отогреться. Под азиатским солнышком пропадает озноб. День прихода весны – Новруз Байрам – зовёт к столу. Всех – к общему столу. Любой заходит к любому, столы выносят, составляют вместе. Грузинские хинкали идут в один рот с армянской бастурмой, с русскими блинами, азербайджанскими каштанами, еврейской рыбой... Потом в той же строке – словно очередное блюдо: «Начинаются погромы»... Без перерыва, без паузы, без объяснения. Одни бегут, другие гонятся, третьи врываются в дома с ножами и тащат, что могут.

Озноб сменяется ожогом. Может быть, Светлана Алексиевич так умело выстроила исповеди своих собеседниц, а может, они так и рассказывали, так и пережили этот ужас, когда кровавое солнце поднимается из тьмы – внезапно, без видимых причин. Баку это, Ходжалы или ещё какой-то пункт, отогревшийся под солнышком, – убивают беспощадно.

«Армян убивают за то, что они армяне, как когда-то убивали евреев за то, что они евреи».

Знакомый односельчанин может ворваться в дом... Но и незнакомый, идущий мимо, встречаясь взглядом с хозяином, даёт почувствовать, что может ворваться. Ограбить, убить, изнасиловать.

Это и Кавказ, и Памир... Кулябцы убивают памирцев, а памирцы – кулябцев. Каратегинцы, гиссарцы, гармцы – все разделились, все схватились за оружие. «Почему люди так быстро научились убивать друг друга?» – ошарашенно спрашивает Светлана, привыкшая, при своих славянских, белорусско-украинских корнях, к вековой русской раскачке... А тут – убивают так импульсивно-быстро, а главное: «зачем убивают, не понимают». «Что-то повисло над всем

и над всеми... На площади собираются какие-то люди, они все в чёрном, танцуют и поют. Танцуют с ножами и кинжалами... «Что они кричат?» – спрашиваю. «Смерть неверным! Смерть!»

А люди в чёрном – они что, тоже не понимают, зачем убивают? Им кто-то что-то, наверное, объяснял, посылая в погром? Но тот, который объяснял, он ведь тоже сначала какие-то слова услышал? И поверил, и оделся в чёрное, и схватил кинжал... Почему?

Значит, и тут что-то накопилось в людях, какое-то «ожидание», и они ждут сигнала? Не только под знойным небом Азии, но и у нас, в родной Москве! «Мама, я хочу на Арбат. Хочу походить по Красной площади». – «Туда не пойдём, доченька. Там – скинхеды. Со свастикой. Их Россия – для русских. Без нас».

Да и скинхеды вряд ли задумываются над тем, почему горит душа, – она горит потому, что есть, чему гореть. Динамит в душах. Чеченец спрашивает: «Русские, я хочу вас спросить, что это за война? Вы убиваете нас, калечите, а потом лечите в своих больницах. Бомбите и грабите наши дома, а потом их строите. Уговариваете, что Россия – наш дом, а мне каждый день из-за моей чеченской физиономии надо дать милиции взятку, чтобы они меня не забили насмерть. Не ограбили. Я их убеждаю, что не пришёл сюда убивать и не хочу взорвать их дом. Меня могли убить в Грозном... но могут убить и здесь...» Это в самом деле невыносимое для логики круговое безумие: убивать, лечить, взрывать, строить...

Собеседник Светланы, осведомлённый в делах прошлого, советует всем сидеть по своим углам и не лезть в кучу: «Таджики – не воины, когда на их землю приходил враг, они поднимались в горы... Моя любимая таджикская песня – это песня-плач о покинутой родной земле. Всегда рыдаю, когда ее слушаю... Самое страшное для таджика – покинуть свою Родину». Однако покидают? Что теперь гонит людей через границы, какая нужда, какой бес подымается из тьмы и жжёт? Не тот ли, который и в наших краях ждёт своего часа? Края перемежаются, облики перемешиваются... Обезьянник какой-то...

«Разбомбили обезьянник... Ночью грузины за кем-то гонялись, думали, что это абхаз. Они его ранили, он кричал. А абхазы на него наткнулись, думали – грузин. Догоняли, стреляли. Под утро все увидели, что это раненая обезьяна. И все – и грузины, и абхазцы – объявили перемирие и кинулись её спасать. А человека бы убили».

Я спрашиваю: эти люди, спасающие обезьяну, гуманны? Добры? Наконец, человечны ли они? Любой человек, находящийся в здравом уме, ответит: и гуманны, и добры. А вот человечны ли – вопрос застрянет в горле. Обезьяну спасают, а за человеком гонятся: убить! Хорошо ещё, обезьянник в Сухуми есть. Если бы не обезьянник, вспомнили бы люди, что они люди?

Откуда это висящее в воздухе ожидание зла и беды? Причины есть? Причины находятся. Социализм, капитализм, империя, антиимперия... А причина причин – состояние людей.

Убивают за деньги – это ещё можно объяснить. А когда убивают «просто так»? «Мальчик может броситься под танк и может взорвать роддом».

Так всё зависит от того, танк или роддом укажет ему другой мальчик, уже одевшийся в чёрное. Или девочка...

Русская деревня. Никаких одетых в чёрное кавказцев, никаких обезьян. Зима, снег. Парочка идёт с танцев. Ха-ха... хи-хи... Девочка спрашивает: «Ты меня и вправду любишь?» – «Люблю больше жизни». – «А что ты можешь ради меня сделать?» – «Я могу себя убить». – «Себя, понятно. А можешь ли ты убить ради меня первого встречного человека?» ... Сказала так – и смеётся. А я же герой! Мне надо доказать свою любовь. Вытащил из забора кол... Ночь. Темень. Стою и жду. И она ждёт. Долго никто не появлялся, наконец какой-то человек идёт нам навстречу. И я ему – по голове: Бац! Один раз ударил, второй... Он упал. Я его ещё добил на земле... этим колом... А это был наш учитель...»

Спрашивается: учился ли хоть чему-нибудь этот ученик? Есть ли у него что-нибудь в голове или в душе? Или это за пределами... вернее, в пределах чистой биологии? Что-то звериное, неменяемое, вне государственных, социальных, национальных границ?

Через всё повествование Светланы Алексиевич проходит подспудное ощущение: что-то нависает, таится, прячется в самой основе человека, независимо от того, чем он себя охмуряет, объявлена ли всенародная война или шарашат крутые парни на свой страх и риск, – любой может оказаться и палачом, и жертвой, на той или на этой стороне, в строю сотрудников службы безопасности или в колонне узников, охраняемых этими сотрудниками. Это уж как чья судьба ляжет, а агрессия и готовность к агрессии – в природе человека. Тут царит биология. Она в людях изначальна, у всех народов, на фоне всех геополитических пейзажей.

Изначальна. И, значит, окончательна? Окончательна будет, когда наступит конец света, но тогда и обсуждать станет нечего и не с кем. Однако человечество существует тысячи и тысячи лет, оно потому и не сторело ещё в огне ненависти, что в его природу заложено ещё и противодействие звериному началу, инстинкту убийства, ожиданию агрессии со стороны заведомо враждебного окружения. Культура не даёт человечеству самоуничтожиться, философия не оставляет людей во власти безумия, плач о родной земле висит над лагерями кочевников и лагерями беженцев, над лагерями Гулага и над лагерями юных пионеров, над чёрной пылью, оседающей на слепящих дорогах Истории.

Книги, подобные пятитомнику Светланы Алексиевич, завершённом сейчас финальной повестью, – помогают нам сохранять человеческое лицо. Противостоять безумию. Выдерживать ужас.

– Хочется заглянуть в яму...

– Постояла в растерянности и пошла на огонь...

– Ночью сирень сияет... Дайте я вам наломаю букет...